

ТОТЕМСКОЕ МУЗЕЙНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Вологодское региональное отделение
Всероссийской общественной организации
«РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО»

*Сборник посвящается 70-летию
Вологодского регионального отделения
Русского географического общества*

РУССКИЙ СЕВЕР - 2024:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО
И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

Сборник работ VIII Всероссийской научной конференции

К 1561630

Вологда
«Полиграф-Периодика»
2024

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

7. Творчество Олега Лагуткина – ВКонтакте. URL: vk.com/club78164880
8. О времени и о себе. Николай Рубцов (1986). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9zqloTQkt9E>
9. Загадка мироздания. Николай Рубцов (2006). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xlYydL2BVtk>
10. Письма из провинции. Тотьма (2017). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hDI3nW0DvIA>

*Дидковская Наталья Александровна,
кандидат культурологии,
доцент кафедры культурологии, начальник Медиацентра
ЯГПУ им. К. Д. Ушинского,
Ярославль*

НИКОЛАЙ РУБЦОВ: ХРОНОТОП ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ТВОРЦА

Применительно к феномену творчества хронотоп провинции может интерпретироваться как совокупность геополитических, экономических, культурных, социально-психологических условий культуротворческой деятельности (*хронотоп провинциального творчества*) либо ментальная картина мира, специфическая форма самосознания и самореализации творца в провинции (*хронотоп провинциального творца*). Безусловно, эти модели носят коррелирующий характер, и дифференциация концепта «хронотоп провинциального творчества/творца», происходящая в процессе его разработки, обнаруживает все новые и новые комплементарные и синонимичные микроконцепты. Данная статья представляет собой опыт построения хронотопа провинциального творца Николая Рубцова как дифференцированной, внутренне взаимодействующей системы.

Интерпретацию провинциального хронотопа логично начать с описания дефиниции места, ибо она применительно к провинциальной среде оказывается определяющим фактором динамики протекания времени: «Место, *topos*, может быть определено абсолютно, как-то, где находится агент или предмет, где он «имеет место», существует, как локализация, или же относительно, релятивно, как положение, ранг в порядке» [1; с. 49]. Диалектика соотношения, взаимодействия, взаимоперехода категории *топос*, отмеченная П. Бурдьё, применительно к характеристике россий-

ских пространств аллегорична. Место – это прежде всего ранг, всегда ранг. В этом противоборстве – слиянии физического и социального, социальное постоянно преобразуется, организуется в соответствии с уже созданной ранее мифологией места. «Иначе говоря, физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии, объективация и натурализация прошлых и настоящих социальных отношений» [1; с. 54].

Родное место, родина поэта Николая Рубцова зачастую топонимически конкретизируется: домашняя, уютная, удостоверенная событиями личной биографии и душевными состояниями: место учебы, встреч, расставаний, обретений, потерь... Топос сборника «Подорожники» вбирает в себя более четырех десятков названий Русского Севера: Вологда, Архангельск, Тотьма, Великий Устюг, Ферапонтово, Никола, Липин Бор, Сухона и Двина, Сиперово, Бобришный угор, Предтеча. И каждое связано с переживанием особого духовного и культурно-социального состояния. Социальная дифференциация, объективизированная в физическом пространстве, существует как категория восприятия и оценивания, то есть как ментальная структура. Рефлексия по поводу восприятия окружающего пространства, его воздействия на личность, взаимодействия с ним – особая тема философской и художественной практики, в отечественной культуре имеющая первостепенное значение. Затерянный в необузданной шири уездный город Гоголя, маниакально-депрессивный Петербург Достоевского, усадьба – средоточие силовых линий мироздания у Тургенева, правящая провинция Чехова и его же провинциальная столица... У Рубцова русская провинция, малая родина – это духовный камертон, место, где «виднее природа и люди». Русская провинция – исток духовного взросления, «место святое», вот почему убогие бытовые реалии не замутняют ее глубины. Хронотоп всегда включает в себя ценностный момент, который может быть выделен из целого пространственно-временного континуума только в абстрактном анализе. У Рубцова все временно-пространственные определения в художественных или ментальных моделях действительности неотделимы друг от друга и всегда эмоционально-ценностно окрашены:

*Школа моя деревянная!
Время придет уезжать –
Речка за мною туманная*

*Будет бежать и бежать.
С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь. [2]*

Как рассуждает М. Бахтин применительно к формам времени и хронотопа в литературе: *«Абстрактное мышление может, конечно, мыслить время и пространство в их отдельности и отвлекаться от их эмоционально-ценностного момента. Но живое художественное созерцание (оно, разумеется, также полно мысли, но не абстрактной) ничего не разделяет и ни от чего не отвлекается. Оно схватывает хронотоп во всей его целостности и полноте»* [3; с. 391]. Таким образом качество пространства провинции суть характеристика динамики протекания и «смыслонаполнения» времени:

*В потемневших лучах горизонта
Я смотрел на окрестности те,
Где узрела душа Ферапонта
Что-то божье в земной красоте.
И однажды возникло из грёзы,
Из молящейся этой души,
Как трава, как вода, как берёзы,
Диво дивное в русской глуши!*

В пространственно-временном социальном континууме, являющемся историко-системным динамическим образованием, постоянно накапливается духовно-чувственная предметность человеческой деятельности. Она является базой, каркасом личностного становления индивида. Она является матрицей его духовно-чувственных актов, организует его творческую деятельность как самостоятельное пространство, имеющее специфическую систему включенности в глобальное социальное пространство. «Ночь на родине», «Тихая моя Родина», «Родная деревня», «Детство», «Привет, Россия...», «Видения на холме», «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...», «Звезда полей» – эти стихотворения демонстрируют динамику расширения и наполнения образно-смыслового континуума «родина», который формируется по мере становления самого творца.

Художественная сфера выступает в многоплановом пространстве самореализации творческого субъекта в роли концентратора

социального содержания деятельности. Освоение социальных ценностей в форме художественного опыта, во-первых, выступает важной стороной экзистенциального процесса взаимодействия «человек-мир», во-вторых, актуализирует духовно-творческую сферу деятельности субъекта, эстетический уровень его восприятия мира. Процесс постижения социальной в особой художественной парадигме позволяет творческой личности не только раскрыть конкретную социально-культурную ситуацию как «содержание субъектного состояния», но и выявить эстетическую природу этой социальности.

Таким образом, понятие хронотоп / локус творца в провинциальной культуре (от лат. locus – место) можно интерпретировать в трех наиболее значимых смысловых измерениях:

- место творца по происхождению – формирующая среда провинции как особое геокультурное пространство;
- место по функции – идеальный образ и реальный статус провинциального художника в культуротворческом процессе, способы его житейско-бытового и творческого позиционирования;
- место по значению – специфика социального функционирования сферы культуры в провинции: характер взаимосвязей творца и аудитории в контексте наличных коммуникативных технологий.

Жизненная и творческая стратегия художника-провинциала всегда выстраивается в географической системе координат на оси «столица – провинция». Отправной точкой в формировании стратегии самоактуализации для провинциала была и остается традиция. Причем не только в аспектах сопричастности священным образцам местного искусства: их наследованию (что естественно – и, естественно, небесконфликтно), следованию им (в диапазоне от органичного притягивания до тотального отторжения), их развитию (что по определению абсурдно, но на удивление достоверно и отрадно для провинциального мироощущения), но и в аспекте самопрезентации и самоактуализации. Традиция жестко регламентирует формы предъявления художником себя «городу и миру».

Вот здесь-то, в горизонте совмещения сугубо индивидуально-бытового и уникально-личностного, творческого, с максимальным драматизмом сталкиваются мифы о самодостаточности и ущербности провинции, подлинности, настоящести, первородства ее житейского уклада – и отсталости, вторичности, примитивности феноменов ее культуры:

*Он шел против снега во мраке,
Бездомный, голодный, больной.
Он после стучался в бараки
В какой-то деревне лесной.*

*...
Он умер, снегами отпечетый...
А люди вели разговор
Всё тот же, узнавши об этом:
– Бродяга. Наверное, вор.*

Это противоречие присутствует в сознании как самих периферийных художников, так и исследователей их творчества, местных и столичных. Причем и свои (порой язвительно критикующие), и чужие (чаще всего ласково умиротворяющие) придерживаются сходного алгоритма описания и оценки актуального искусства провинции: «от бытового естества к художественному волшебству».

Если провинциальный художник берет на себя смелость или просто по неведению начинает выстраивать свою стратегию, он должен преодолевать не только помехи, связанные с отсталым бытом, но и *сопротивление менталитета провинциальной среды*. Российская традиция возвеличивания творца всегда воспринималась в провинции неоднозначно. «Больше чем поэт» здесь – меньше, чем благополучный обыватель, общественное мнение испокон веков представляло творца между подвижником и юродивым:

*Быть может, я для вас в гробу мерцаю,
Но должен я сказать в конце концов:
Я – Николай Михайлович Рубцов –
Возможность трезвой жизни отрицаю.*

Утверждение, что личностная стратегия определяется самим художником, не противоречит тому факту, что его культурная деятельность имеет моделируемый характер, обусловленный спецификой провинциального локуса. В рамках коммуникативной модели провинциальный художник может выступать в различных ролях: коммуниканта, реципиента, в некоторых случаях даже в роли культурного кода. При этом коммуникация приобретает вектор, направление которого определяет иерархический статус творческого меседжа в системе координат «провинциальный локус» – «столичный центр». Таким образом можно говорить о про-

винциальном художнике как о канале *нисходящей* (воспринимающей и адаптирующей) либо *восходящей* (оригинальной и широко презентующей) коммуникации, что находит в творчестве Рубцова, вдохновенного и самобытного даже в роли интерпретатора классического наследия, замечательное подтверждение.

Специфическим основанием для идентификации провинциального локуса и самоидентификации творца по отношению к нему является фактор физического исхода (отторжения) и психологического остранения художника. Подобная ситуация приобретает масштабный характер в культуре XX века, которая, как всякая другая культура идеально переустраивает и физическое, и духовное пространство, потесненное иным, сложившимся в новом историческом контексте. Сама «провинциальность» в этих условиях начинает соотноситься с понятием «малая родина», обретая при этом положительные коннотации, сближающие ее с образом «утраченного рая». «Провинциальность» в данном случае есть некое особенное нравственное свойство, имеющее особый же и важный состав. В этом случае дискурс имеет дело «не с профаническим и усредненным пространством», но с гораздо более богатым – «семантизированным и / или сакральным», структурируемым автором с практической целью – выяснить для себя нечто важное. Так в системе творческого дискурса возникает своя мифология пространства, ментального локуса:

*И возвратиться в отчий дом,
Чтобы однажды в доме том
Перед дорогою большою
Сказать: – Я был в лесу листом!
Сказать: – Я был в лесу дождем!
Поверьте мне: я чист душою...*

Разнообразные стратегии самореализации творцов, наблюдающиеся в исторической и современной российской провинции, диалектика творческой стратегии и провинциального локуса доказывают тезис о нерасторжимости художника и места, трактуемого как ментальное пространство: почти исключительно индивидуально-ментальное пространство творчества:

*О вине подумая, о хлебе,
О птенцах, собравшихся в полет,
О земле подумая, о небе*

*И о том, что все это пройдет.
И о том подумаю, что все же
Нас кому-то очень будет жаль,
И опять, веселый и хороший,
Я умчусь в неведомую даль!*

Творчество Рубцова явственно доказывает: художник носит Россию в себе:

*В деревне виднее природа и люди.
Конечно, за всех говорить не берусь!
Виднее над полем при звездном салюте,
На чем подымалась великая Русь.*

«Это самобытное пространство духа, это мир личного поиска и роста, духовной жизни в личностном модусе» [4; с. 163]. Истинная картина провинциальной культуры складывается из творческих судеб, специфических форм самосознания и самореализации ее художников, и, прежде всего, таких драматичных и роковых, как судьба поэта Николая Рубцова.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурдые, П. Физическое и социальное пространство: проникновение и присвоение // Социология социального пространства.– СПб: Алетейя, 2015.– 349 с.
2. Николай Рубцов. Стихотворения // Душа хранит. Жизнь и поэзия Николая Рубцова. [электронный ресурс]. URL <https://rubtsov-poetry.ru/> (дата обращения: 28.12.2023). В дальнейшем ссылки на стихи Н. Рубцова даются в тексте по этому изданию.
3. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики.– М.: Худож. лит., 1975.– 407 с.
4. Ермолин, Е.А. Ярославский стиль.– Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2007.– 182 с.